

где Самсон выведен в должности судьи, превращающего свои суровые приговоры в назидание. Каждый, кто читал книгу Ницше, опознает ее жестокую этику в этих вердиктах Самсона. Он присуждает победу в судебном споре тому, кто более жесток и напорист — а проигравшего, отверженца разумных уступок и честных компромиссов, поучает: "Когда бьют тебя дубиной, хватай тоже дубину, а не трость камышовую. Ступай; вперед будь умнее, и научи этому остальных людей твоего города". (Та же мысль звучала еще в давней статье Жаботинского "Вместо апологии".) Другому, столь же покладистому любителю справедливости, Самсон говорит: "Раз ты сам уступаешь, спор кончен, и судье нечего делать... Иди; и вперед никогда не уступай". Точно так же прямой цитатой из "Заратустры", из его призывов к твердости, властолюбию и "умению смеяться", звучит предсмертный завет Самсона своему народу: "Чтобы копили железо; чтобы выбрали царя; и чтобы *научились смеяться*".

Впрочем, что касается "железа", то здесь Жаботинский примечательным образом сходится с советской сталелитейной темой, с темой "перековки" и создания нового человека. Он дает как бы сионистский вариант для этой советской версии ницшеанства. Однако его Самсон бесконечно далек от индустриального социалистического коллективизма — и в этом своем трагическом одиночестве вновь смыкается с героем Ницше. В конце концов, Жаботинский остался чужаком и в сионистском движении.

Что уцелело от его заветов? Мы не нуждаемся сегодня в железе, и у нас по-прежнему нет царя. Остальное актуальнее, чем когда-либо. Дай нам Бог не разучиться смеяться.

Иерусалим

Нетерпение Перца

(Почти по Стефану Цвейгу)

Портрет "семьи" художника

Хрен его знает, хороший ли он художник. Но то, что разный — как пить дать. А пить он таки дает. Себе и людям. Хотят они того или нет. Не очень спрашивает, просто поддает газу. Газирует стоячие поверхностные воды. А то так бульбы пускает, чтоб форму не потерять. Нравится, не нравится — пузырись, моя красавица. Обитает-то каждый из нас в своем изолированном ведре.

Шурик Ройтбурд — такой особенный дрожжевой грибок. Хорошо бы им что-нибудь забодяжить. Закваску забульбенишь погуще, безжалостно к компонентам. Чтоб всё там, в бадье, ходило-бродило котом ученым по имени Леший. Котом профессорски пучеглазым, одновременно лоснящимся и несколько потасканным за разные места, включая хвост. Шурик напишет же однажды по моей наводке (на водке) свой изоморфный образ — вот такой, котятчий, на дубе том, у Лукоморья.

Из телефонной трубки вываливается шершавый Шуриков язык, врасплох приятно щекоча "перепончатые барабанки". "Учитель, — изрекает Ройтбурд со всею опереточной подлостью в голосе, на какую только способен в этот полночный час, — тридцать литров вина запроважены в планшеты, аки космические карты. Ожидается штурман Губарь — для приготовления одноименного напитка". Голому неймется заняться самогонованием по моей методике. Догнать и перегнать... вино в граппу. Вот он всегда такой нэтэрплячий. А давеча, в сорокаградусную жару, надумал осуществить наш совместный арт-проект по перегонке пива в виски или — во что получится. "Ты там смотри, — наставляю, — народ не взорви. Ты газ из пива выпустил?" — "Слушаюсь и повинуюсь, Учитель". И кладет трубку, чтоб я не услышал грома небесного.

Направляюсь собирать трупы. Разрекламированный кулибинскими и ползуновыми со Староконного самогонный агрегат эстетичен, как бронепоезд. Во все стороны торчат мелкокалиберные орудия. Полуголые каноны и матросы Железняковы с вопросами и без вертятся на перроне. Пахнет псиной и козлом в ассортименте. Во взоре Шурика — неподдельное страдание Фултона в канун спуска и запуска колесного (трехколесного?) парохода. Всегдашние варварки (потенциальные, то бишь доброволь-

ные жертвы Шуриковой потенции) населяют обернувшуюся вокзалом (сералем? караван-сараем?) кухню. Как в том анекдоте: глядишь — амазонки, приглядишься — делаварки с тучных пастбищ близ дискотек для несовершеннолетних эрекционеров. Материально независимы — наподобие стран народной демократии. Шурикова аудитория, аудит, кредит и прочий троглодит. Они такие прищуренные, торопливо прикидывающие, как бы поэффектнее морщиться, чтобы показаться думающими или на худой конец — задумчивыми. (Иногда, впрочем, здесь попадаются стайки востроглазых, в совокупности напоминающих склад боеприпасов.)

Ройтбурд — на своем театре действий. Реплики — что мячик в большом теннисе. "Цирк", — щебечет хозяин, указывая на бронепоезд. "Цирк", — вторят варварки: от них хорошо отскакивает, как от стенки. Это такой бой с тенью, игра с самим собой. В поддавки. "Где ты их только подбираешь", — вредничаю. "А чего? Чем тебе не нравится, например, Милонга? Она такая бойкая. Ванда с прилежанием носит свой круп! А Лиза О'Ниллова — ты же знаешь, старик, это моя страсть, хотя ты и называешь ее Молью Бледной". Свежий Шуриков автопортрет — иллюстрация к сюжету о Моли (Молли?). Там у Ройтбурда вместо сердца приклеена эксклюзивная прокладка б/у: то ли "Олдэйз", то ли "Олвэйз", то ли "Ихвэйс". Приглашаются к дегустации. Форма одежды караульная.

Весь ЦИРК резюмируется так, что ЭРОТИКА НЕВРОТИКА — ЭКЗОТИКА. Народ течет, протекает, просачивается через эту квартиру, у которой как бы беспрестанная течка. Козочек много, а венеретеринарный врач, магистр науки страсти нежной, врачеватель-самозванец один. Автопортрет (прокладка) с крылышками (падший ангел).

Шурик пристально всматривается в эти созданыя природы, каковым с детства внушали, что мудрствование и самость — от лукавого, а все остальное — от жизни, и возведено в ранг добродетели. Вот они блеют в окрестностях накрытой для них "поляны", рога свои ко идолу склоняя. Всё течет, острили шестидесятники, всё из меня. У Ройтбурда даже вазы на холстах членообразные. А сам он должен быть (и есть!) с сияющей плешью — на манер тонзуры, с характерным полированным набалдашником на темечке. Это как раз обтекаемый со всех сторон утес, на груди которого ночевала тучка дождевая. Тучки небесные, вечные странницы, чего с них взять, кроме совместного проистекания на покрывало. Ты прав, Ученик.

Какой, однако, рачительный хозяин своего ковчега. Умеет корма за-
дать. Насытить. Ввести в теорию осоловления. Ввод и вывод в расход. Ка-

кой вывод? Ненасытность гиперпотенции не знает вывода и выхода. Большой художник — великий ПОТЕНТ, а остальные — ИМ... Давайте, повысим ИМ потенцию. Несчастному (счастливому?) Ройтбурду приходится всех остальных, ну, это, ну, обслуживать. Творческие акции (они же акты) перемежаются (промежняются) вариациями осанны. Каждому из остальных жаждет ритуально и результативно прикоснуться (наткнуться) на творческую продукцию, на вулканический пепел, а лучше — вулканическое стекло (обсидиан). На нечто упругое, отшлифованное, электризирующее — эбонит? (К слову, и пирамиды не зря возводили, да еще на песке.)

Шурик вкладывает вкусности прямо в рот публике, как восточныйстряпун, только что не разжевывает. Впрочем, отчего же, разжевывает. Произносит спичи, предвещающие трапезу и вышибающие обильные желудочно-кишечные слезы. Хорошо готовит экзотические эзотерические блюда. Суши, например. Суши из моря (Японского, япона мать). Суши — это такое членовредительство, обрезание, бармицва. Папиросной бумагой, ломтиками, с присущим нам садомазохистским вдохновением. А как он потчует "большой китайской кастрюлей" — те же яйца, только вид сбоку: ломтики толщиной с минералогический шлиф обмакиваются в сдобренный пряностями кипяток, ловким, ювелирным круговым движением против часовой стрелки, смерти вопреки. Наши "гонки" из напитков, какие хороши сами по себе. Квинтэссенция квинтэссенции. "Теин в чаю, букет в благородном вине". Катализатор брожения. Философский драгоценный булжжик. Семя. Не спи, блин, художник, не предавайся сну. Пробуждайся от острого желания. Если можешь, не спи вовсе. Нет, я не в этом смысле. С варварками (выварками?) — можешь. Шура, ты будильник. Просыпаюсь в шесть часов, далее — по тексту.

Между тем козочки все блеют. Интеллигентные молодые люди — их в окрестностях Ройтбурда тоже хоть пруд пруди — почему-то не токуют. Дежурная анекдотически казусная ситуация: эти как бы могут, но не хотят. Сволочи, короче. Этим — покурить, уколоться и упасть на дно колодца (см. "Уч-Кудук"). Только девушки об этом не понимают, и это их, а не юношей, надежды нескромные питают. Станет художник прикармливать боровов и кнуров-производителей, размечтались. И вот они ждут чего-то, различая на Шуриковых полотнах исключительно утесы-великаны и комфортабельные гигиенические принадлежности. И все равно, помимо загруженного в желудок, кишечник и портмоне, уносят неясные бликующие "шелахмунес", новую жажду, не утоляемую одной дискотекой типа "Три прихлопа, два притопа" и "Па-ри-ру-ра-ру-ра".

Прайд есть прайд. Каждой твари по разнополой паре. Двух Пап не бывает у одного дитяти. Мы, основательно подвяленные романтические маршматики, не в счет. Мы — в наблюдательном совете. Тоже себе на уме. Были и мы рысаками когда-то (хотя еще как борозды не поргитим!). А ныне (да не собирается вещей Олег щиты прибавать на калитки: делать ему больше нечего) — не пожрать, так хоть поговорить о вкусной и здоровой пище. Которой мы знатоки. Теоретики. Практические занятия требуют интегральных расходов (включая энергетические), к которым надо подходить дифференцированно. Стану я расплескивать ценное сырье для производства лидазы направо да налево. Еще и гоняться за какой-нибудь дурнушкой дурноватой. Мы хитрые, у нас замечательная болезнь — ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ИМПОТЕНЦИЯ. Пусть себе Шурик ворует невест, ставит коз в стойло за рога и виртуозно исполняет хирургические операции "Ы" над морепродуктами и парной телятинкой.

Да, кстати, запомнил, он ведь у нас практикующий живописец и график, играющий, так сказать, тренер. Команда — это я. Царство-государство — это я. Говорят, вратарь — половина команды. А один Ройтбурд (один герц, один ампер, один ом, один дурдом) — вся команда. Был в моей юности такой фильм — "Он пошел один". Шурик пошел. А пошел ты, Шурик. Торчит башнею вавилонскою, столпом александрийским, задрал тонзуру, по самые помидоры вонзил ее в тюлевые, с оборочками, на резиночках, облака ("Мы не сеем и не пашем, а валяем дурака...").

Как, однако, хорош мой антигерой на автопортретах: "А вот и я!". Шурик пишет их по одному в год, выдавливая, так сказать, из себя... Нет, выдавливает себя, из жизни. Потихонечку, полегонечку. Когда он прокладка с крылышками, то выполняет нравственный (а не супружеский) долг. А когда — очень симпатичный повешенный (неуравновешенный, на ветру повешенный), то что? То выполняет долг перед всем прогрессивным человечеством — уступает, понимаете, лыжню. А то нехорошо получается: потребности у всех, а возможности у одного. Из-за него и появляются в жизни "лишние люди" — Онегины там, Печорины. А это негуманно.

Следующий самопортрет Ройтбурд будет впервые исполнять ("Живу я в мире в первый раз...") в ночь с 31 декабря 2002-го на 1 января 2003-го. По сложившейся уже традиции. Когда он повешенного намалевал, так я был официально приглашен на поживу, на смотрины, на свежатинку, и унес на старой куртке и сванской шляпе промокнувшие малахитовые краски. "Веревка мне заменит честь, а в раю мне уж место есть. И поделят тогда мой наряд сторожа, что внизу сторожат". А теперь выдаст мой сюжет — усекно-

вение. Главу свою с полированную тонзуру на блюдечке с голубой каемочкой. И как тогда станет жить дальше без полного боекомплекта...

А еще мы поем. Один догадливый кадр придумал, что никто так смачно не поет советских патриотических песен, как бывшие диссиденты. Шурику купно с нами жаль чего-то расколовшегося целостного. "Страна моя, Москва моя..." Это же — как любимое тело, которого много! Географическая (политическая? палеонтологическая?) эротика! Собираем черепки и мослы. "По аллеям центрального парка с пионером гуляла вдова... Да потому, что у нас каждый молод сейчас, в нашей юной прекрасной стране".

Митьковские "Магаданы" в исполнении рафинированной эмигрантки Дины Верни, непрофессионально, но трогательно матерящейся (не отчетливая, но геронтофилия). Дина, верни! В противофазе — "Товарищ Троцкий в тельняшке флотской нас поведет в последний бой!". Такой себе "марширен" дежурных анти- (нео?) глобалистов (не отчетливый, однако экстигиционизм). На сорокалетие свое Ройтбурд зазвал в ресторан уличных музыкантов пошиба "ОЙЦ", исправно отработавших замордованную до полной неузнаваемости "Мурку" и компанию (отчетливый садомазохизм).

Молодежь и подростки внимают со снисхождением оксфордского студента к папашке алкоголику. А то какая-нибудь бойкая Милонга вонзится обоюдоострым голоском в подпевку, имитируя лихость маленькой разбойницы. Но Шурика с пути истинного не своротишь, и дурноголосый его речитатив ("его невольню затвердив") будит, будоражит, блюдет пространство, отряхивающее замшелость оцепенения. Короче, малосольная капелла: кто ж перекричит солирующего Ройтбурда? С раскачавшегося вокальными децибелами потолка вот-вот снизойдет на разноголосье что-нибудь тяжеловесное, наподобие театральной люстры.

...Тем временем у самогонного агрегата активно закапало с конца. Пошел душок хлебной прели и солода. И в нежданно притихшие козы ясли упала первая тяжелая капля.